

Глава 18

Выручку за сладости, проданные в городские лавки, выплатили без задержек. Когда Ли Цинвэнь получил от коробейника Цю вторую часть средств за сахар, в доме Ли поднялся такой переполох, что, казалось, тяжелая черепичная крыша вот-вот взлетит на воздух.

— Сколько денег! Откуда у нас разом столько богатства?! — Ли Цинхун от избытка чувств едва находил слова.

Старшая невестка, госпожа Цзян, молчала, но глаза её подозрительно заблестели. И дело было вовсе не в паре связок медных монет, а в том, что перед семьёй наконец забрезжила надежда. Если в самом начале дело пошло так споро, то и в будущем всё должно сложиться удачно.

Ли Цинфэн сгрёб младшего брата в охапку, притиснув к себе.

— С таким доходом мы теперь полгода сможем досыта есть!

Даже малыши понимали: медь в руках взрослых — это предвестник чего-то вкусного. Трехлетний Ли Чжэнмин, во все глаза глядя на монеты, невольно сглотнул слюну:

— Мяса! Хочу мяса!

Глядя в сияющие глаза домочадцев, Ли Маосянь и радовался, и в то же время ощущал укол горечи в самом сердце.

Госпожа Чэнь пересчитала медь несколько раз и только под пристальными взглядами всей семьи убрала деньги в сундук.

— И чтоб никто на улице лишнего не болтал! — строго наказала матушка.

В этот вечер Ли Цинвэню даже запах дешевого лампового масла казался не таким едким. Высвободив голову из захвата четвёртого брата, он обернулся к отцу:

— Отец, давай договоримся с дядей Танем и выкупим твои инструменты?

В комнате мгновенно воцарилась тишина. Те, кто сидел на кане, и те, кто стоял рядом, замерли. Госпожа Чэнь украдкой глянула на мужа, но промолчала.

Ли Цинхун закивал как заведенный:

— Сынок верно говорит, он всё об этом печется. Можно и переплатить немного, ведь те вещи

служили тебе верой и правдой много лет.

Ли Маосянь протянул руку и ласково коснулся макушки младшего сына.

— Сынок, я ценю твою заботу. Но даже если у нас теперь есть средства, те инструменты возвращать нельзя.

— Почему? — Ли Цинвэнь искренне не понимал.

Остальные тоже замерли в ожидании, глядя на главу семьи.

— Я дорожил теми вещами, и дядя Тань это знал. Они ему всегда нравились, но он никогда и словом не обмолвился, чтобы их выкупить. Есть такая мудрость: благородный муж не отнимает у другого то, что тот любит, — рассудительно произнес Ли Маосянь. — Когда нам край как нужны были деньги, я сам пришел к нему. Тань не только не стал сбивать цену, но и накинул сверху от чистого сердца. После такого доброго дела мы не имеем права требовать инструменты назад.

В комнате на мгновение стало тихо, юноша понимающе кивнул:

— Отец, я всё понял.

Получив выплату, Ли Маосянь первым же делом отправился в город за клейким рисом. Вернулся он поздно, поэтому на следующее утро они с госпожой Чэнь отвесили нужное количество зерна и пошли раздавать долги соседям.

К рису матушка приложила по горсти солодового сахара. Хоть зерно брали всего на несколько дней, оставлять людей без благодарности было не в правилах семьи Ли.

В деревне подобные обмены — дело обычное, и соседи поначалу отнекивались, не желая брать лишнего. Но госпожа Чэнь за словом в карман не лезла: пара её бойких фраз — и люди, смеясь, признавали поражение, принимая угощение.

Кое-кто в деревне уже вышел в поле. Ли Маосянь достал серпы и принялся их точить. Осенний ветер уже ощутимо щипал щеки; только двум малышам надели по лишнему слою одежды, взрослые же по-прежнему ходили в легких куртках.

В день жатвы в доме Ли поднялись еще затемно. Со двора доносился приглушенный гул голосов. Выйдя на крыльцо, Ли Цинвэнь едва не отшатнулся от неожиданности: за воротами, окутанные предрассветным сумраком, стояли два или три десятка человек.

— Дядя, мы знаем, где ваше поле и какой край косить, — выкрикнул кто-то из толпы. — Мы

первыми туда отправимся.

— Верно, дядя Ли! Стоять на холоде зябко, за работой быстрее согреемся!

Обычно в пору осенней страды каждый занят своим наделом, и помощников не сыщешь. Но здесь собрались не только родичи из клана Ли, но и жители с южной и восточной окраин деревни — многих юноша видел впервые в жизни.

Госпожа Чэнь, уже успевшая развести огонь в печи, вышла позвать всех на завтрак, но люди наперебой замахали руками:

— Не трудись, хозяйка! Мы уже дома подкрепились.

Кое-кто признавался честно: пришли подсобить, чтобы поскорее разделаться с зерновыми семьи Ли и освободить время для работы со сладким сорго.

Впрочем, были и те, кто преследовал иные цели. Если затея с сахаром выгорит, в следующем году вся деревня захочет его варить. Но семян в таких количествах взять негде — только Ли Маосянь знает, где их достать. Вот и старались задобрить его заранее, чтобы потом не просить на пустом месте.

Видя такое рвение, Ли Маосянь не стал тратить время на еду: перехватил на ходу теплый пирожок и вышел со двора.

Когда Ли Цинвэнь с братьями после завтрака добрались до поля, два му земли были полностью сжаты. Стебли сорго еще хранили влагу, их оставили сушиться под солнцем, а срезанные метелки уже всю грузили на повозку. Маленький ослик, тяжело отдуваясь, медленно тянул первую партию к дому.

Множество рук делают работу легкой!

Впервые на их веку столько народу разом трудилось на одном клочке земли. Соседи, убиравшие свои участки поблизости, то и дело бросали завистливые взгляды.

Помощники пришли со своими серпами и мешками. Закончив с одним наделом, они без отдыха переходили на следующий.

Ли Цинхун еще поспевал за взрослыми, а вот Ли Цинвэню и Ли Цинфэну вручили по мешку и отправили собирать опавшие колосья. Обычно это было делом стариков и детей, так что двое крепких парней среди согнутых спин детворы смотрелись довольно нелепо.

Вместе со старшим племянником братья дважды прочесали поле, но набрали едва ли на

донышко мешка. Долго задерживаться не стали — поспешили за остальными к следующему участку.

Наделы семьи Ли составляли всего десяток с небольшим му, и с такой оравой помощников работа была завершена еще до заката. Метелки сорго и проса разложили на току за деревней. Отработав, люди буднично разошлись по домам, отказавшись от угощения.

Ли Маосянь и госпожа Чэнь не стали их удерживать силой, понимая, что в эту пору каждый час на счету. Сейчас в деревне все жили по одному закону: пока есть хоть клочок света, люди остаются в поле.

Осень с каждым днем становилась всё суровее. На следующее утро Ли Цинвэнь проснулся от холода: одеяло сползло, открыв живот, а из щелей в окне дул резкий ветер. Живот предательски заурчал, и юноша, вскочив, со всех ног припустил к нужнику.

Пока он был занят делами, Ли Маосянь с сыновьями успели срезать те пол-му сорго, что росли в огороде за оградой, и перетаскать стебли во двор.

Два станка для отжима сока были чисто вымыты и установлены прямо посреди двора. Вокруг этих приспособлений, похожих на длинные скамьи, столпились любопытные соседи, не сводя с них глаз.

Станок для отжима сока представлял собой нехитрую конструкцию. На первый взгляд он и впрямь походил на табурет, только чуть сложнее. В сиденье было выдолблено круглое углубление, от которого к краю шел наклонный желоб. Жидкость, выжатая в это углубление, стекала по нему прямо в подставленную чашу или таз.

С одной стороны скамьи крепились две стойки с поперечной балкой, под которой находился рычаг-пресс. На конце рычага был закреплен деревянный выступ, точно входивший в углубление на скамье. По принципу рычага стебли сорго укладывали в выемку и с силой давили на пресс, расплющивая сочную мякоть.

Ли Цинвэнь в прошлой жизни пил тростниковый сок, но никогда не видел процесса его получения. Эти станки он когда-то приметил в музее — их простая форма врезалась в память, и он не думал, что эти знания пригодятся.

Под прицелом десятков глаз Ли Маосянь очистил стебель от листьев, уложил его на станок и резко нажал на рычаг. Светлая жидкость тонкой струйкой потекла в чашу.

Стебли были зелеными, не слишком толстыми и поддавались легко. Вот только сока в них оказалось до обидного мало: из целого растения выходило лишь на донышко чаши — больше оставалось в самом желобе.

Видя это, толпа заметно приутихла, и восторженные лица соседей помрачнели.

Один стебель нужно придавить десяток раз. На поле — тысячи таких растений. Сколько же времени уйдет на всё про всё? Да и сока, судя по всему, кот наплакал.

Когда в кругу воцарилась тишина, Ли Маосянь громко произнес:

— Дело это долгое. У всех сейчас в поле работы невпроворот, так что идите, занимайтесь своим. Нечего тут стоять. Сколько бы сока ни вышло, вечером мы всё равно станем варить сахар!

Услышав это, праздные зеваки поспешили разойтись. Кое-кто втайне досадовал на потраченное время: испокон веков их предки сеяли сорго, и никто слыхом не слыхивал, чтобы из стеблей сахар добывали. Неслыханная затея, чистой воды баловство!

Нашлись и те, кто впал в подозрения: а не нарочно ли Маосянь это затеял? Сам ведь говорил, что раньше не получалось, с чего вдруг сейчас выйдет? Уж не обманом ли он заставил всю деревню убирать его поле?

Глядя на скудные капли сока, даже те, кто остался, чувствовали разочарование. Впрочем, в глаза никто ничего не говорил — Маосянь честно предупредил, что дело может и не выгореть. А обижаться на него не за что: семья Ли в этом году сама не посадила ни одного такого растения, так что хлопотали они не для себя.

У одного станка желоб оказался узковат, и сок начал переливаться через край. Госпожа Чэнь тут же подставила широкую миску, чтобы собрать драгоценные капли. Жидкости и так было мало, терять даже малую толику было бы жаль.

Госпожа Цзян, обдирая зерно с сухих метелок, поглядывала во двор, и на сердце у неё становилось беспокойно. Столько шума подняли... Если в итоге ничего не получится, по деревне снова поползут злые слухи. Она-то не слишком переживала из-за пересудов, но вот свекру со свекровью, людям почтенным, лишние огорчения ни к чему.

Между тем работа на станках спорилась всё быстрее — мужчины начали находить верные движения, экономя и силы, и время.

Оказалось, удобнее всего работать вдвоем: один подает стебель в желоб, другой давит на рычаг. Когда руки уставали, они менялись местами. Движения дошли до автоматизма — не сказать, чтобы работа была тяжелой, но её однообразие изматывало.

В такие моменты Ли Цинвэнь с тоской вспоминал современные соковыжималки — до чего же всё было просто и удобно!

Оба станка работали без остановки. Груды выжатых стеблей росли на глазах; когда они подсохнут, их можно будет пустить на растопку.

Ближе к полудню во дворе остались только вездесущие мальчишки. Кое-кто из уходивших соседей вежливо прощался с Ли Маосянем, другие же уходили молча, не скрывая недовольных мин. Но глава семьи Ли не удостоил их и взглядом.

Стеблей с полу-му земли было много, но и им пришел конец. Когда последний из них был отжат, а мутный сок процежен через чистый холст, его начали сливать в котлы. Чаша за чашей... К вечеру гора стеблей превратилась в жалкую кучку жмыха, а сока вышло столько, что он едва уместился в два огромных котла.

Кое-кто из мужиков, возвращаясь с полей в сумерках, всё же не выдержал и заглянул во двор. Увидев полные до краев емкости, они замерли в изумлении:

— Это... это что же, всё за сегодня выжали?!

Да что там соседи! Даже сам Ли Цинвэнь, весь день не отходивший от работы, не верил своим глазам. И впрямь — из малых песчинок вырастает гора, из капель — поток. Кто бы мог подумать, что, когда поначалу и одна чаша казалась невыполнимой задачей, к концу дня они соберут такое богатство!

<http://bllate.org/book/15828/1433637>